

Разговор с пьяным. Франц Кафка

Стоило мне маленькими шагами выйти из дому, как на меня навалился большой купол неба с луной и звёздами и Рингплац с ратушей, колонной Марии и церковь.

Я спокойно вышел из тени в лунный свет и расстегнул сюртук погреться; затем я остановил ночной свист, подставив под него ладони, и начал рассуждать:

“Что это с вами, что вы делаете вид, словно бы вы есть на самом деле. Хотите убедить меня в том, что это я – ненастоящий, смехотворно стою тут, на зелёном замощении? Но, небо, сколько же прошло времени с тех пор, когда ты было настоящим, а ты, Рингплац, ты и вовсе никогда настоящим не был.

Признаю, я всё ещё в проигрыше, но лишь тогда, когда оставляю вас в покое.

Слава богу, луна, ты уже не луна, но, возможно, и с моей стороны это тоже упущение – звать тебя, луной названную, луной. И почему ты не сохраняешь высокомерия, когда я зову тебя “забытым бумажным абажуром странного цвета”. И почему ты почти отступаешь, когда я зову тебя “колонной Марии”, и я не узнаю былой угрозы в твоей позитуре, колонна Марии, когда я зову тебя “луна, бросающая жёлтый свет”.

В самом деле, такое впечатление, что вам не по себе, когда о вас думают; у вас убывает и смелость, и здоровье.

Господи, как благотворно должно быть мыслителю поучиться у пьяного!

Почему вдруг всё стихло. Кажется, ветер прекратился. И домишки, подчас кружащие по площади на колёсиках, утоптались на месте – тихо – тихо – не видно и щёлки, обычно отделяющей их от земли.”

И я сорвался с места. Я без помех трижды обежал площадь, и поскольку ни одного пьяного не нашёл, то побежал, не сбавляя скорости и не чувствуя усталости, в Карлов переулочек. Моя уменьшенная тень подчас бежала рядом со мной по стене, как по проходу между кладкой и улицей.

Когда я миновал пожарную станцию, то услышал шум со стороны Малого круга, а когда свернул туда, то обнаружил пьяного, который стоял у решёток колодца, с руками, разведёнными в стороны, и топтал ногами в деревянных башмаках.

Сперва я остановился, чтобы унять дыхание, потом подошёл к нему, снял с головы цилиндр и представился:

“Добрый вечер, ласковый господин, мне двадцать три года, но у меня по-прежнему нет имени. А вы, как и ваше удивительное, ваше музыкальное имя, происходите, должно быть, из большого города Парижа. Совершенно ненатуральный запах ускользающего парижского двора окружает вас.

Должно быть, вы видали этими подкрашенными глазами тех великосветских дам, что уже стоят на высокой и просторной террасе, иронично крутятся в узкой талии, в то время как концы их крашенных, сползающих по ступеням подола всё ещё лежат на песке в саду. – Не правда ли, по длинным, повсюду расставленным шестам взбираются слуги в серых, смело покровенных фраках и белых брюках, обнимая ногами шесты, но зачастую склоняя торсы назад и в сторону, потому что должны подтягивать верёвки, поднимая с земли и растягивая огромные серые полотнища, когда великосветская дама желает туманного утра.” Он рыгнул, и потому я спросил почти испуганно: “В самом деле, не правда ли, вы, господин, из нашего Парижа, из стремительного Парижа, ах, из этого мечтательного сезона ледяного града?” Он снова рыгнул, и я пробормотал смущённо: “Я знаю, для меня это большая честь.”

И я проворными пальцами застегнул свой сюртук, и заговорил увлечённо и скромно:

“Я знаю, вы считаете меня недостойным ответа, однако, моя жизнь наполнилась бы рыданиями, не обратись я сегодня к вам.

Я умоляю вас, драгоценный господин, правда ли это, то, что мне рассказывали. Есть ли в Париже люди, состоящие из одной только разукрашенной одежды, и есть ли там дома из одних порталов, и правда ли, что в летние дни небо неуловимо голубое, прихорошенное только пристёгнутыми к нему белыми облачками, которые все как одно имеют форму сердечек? И правда ли, что там есть паноптикум, привлекающий массу людей и состоящий из одних только деревьев, на которых висят таблички с именами самых знаменитых героев, преступников и любовников.

И ещё это сообщение! Это явно лживое сообщение!

Не правда ли, улицы Парижа ветвятся внезапно; они беспокойны, не правда ли? Не всегда всё в порядке, да и как это возможно! Однажды происходит несчастный случай, собирается толпа, люди приходят из боковых улочек шагом заядлых горожан, едва касаясь тротуара; всем любопытно, но и страшно разочароваться; все дышат быстро и вытягивают шею. Но если они вдруг друг друга касаются, то склоняются до земли и просят прощения: “Я очень сожалею, – это произошло ненароком – толпа слишком тесная – простите меня, пожалуйста – с моей стороны это весьма неловко – я признаю. Меня зовут – меня зовут Жером Фарош, я торговец пряностями на Рю де Каботен – разрешите мне пригласить вас завтра на обед – моя жена тоже будет очень рада.” Так говорят они, а переулочек оглушён, и дым из печных труб падает между домами. Это ведь так. А вполне возможно, что однажды на оживлённом бульваре в аристократическом районе вдруг остановятся два экипажа. Слуги сосредоточенно откроют двери. Восемь благородных сибирских овчарок, пританцовывая, соскочут на мостовую и с лаем и прыжками кинутся на проезжую часть. Тогда о них скажут, что это переодетые парижские франты.”

Он плотно закрыл глаза. Так как я умолк, он сунул обе руки в рот и дёрнул за нижнюю челюсть. Все его платье было совсем испачкано. Его, наверное, выбросили из таверны, хоть он об этом и не догадывался.

Это была, кажется, та маленькая, очень тихая пауза между днём и ночью, когда голова, неожиданно для нас самих, склоняется и всё незаметно утихает, потому что мы перестаём наблюдать, а затем исчезает. В то время как мы, со склонённым телом, остаёмся в одиночестве, потом оглядываемся по сторонам, но не чувствуем никакого сопротивления в воздухе, но держим в памяти то, что на определённом расстоянии стоят дома с крышами и, к счастью, с угловатыми печными трубами, сквозь них проникает в дома темнота, сквозь чердаки – в комнаты различного назначения. И хорошо, что завтра настанет день, и тогда, как бы невероятно это не звучало, станет всё хорошо видно.

Тут пьяный вскинул брови, так что между ними и глазами образовался блеск, и объяснил, отрывочно: “А именно, вот что – а именно, мне охота спать, и потому я иду спать. – А именно, есть у меня кум на Венцельплац – туда я и иду, потому что там я и живу, потому что там-то у меня и есть кровать. – Я пошёл. – А именно, я не знаю, как его зовут и где он живёт – мне кажется, я забыл – но это ничего, потому что я даже и не знаю, есть ли у меня кум. – А именно, теперь я пошёл уже. – Как думаете, найду я его?”

На это я ответил без всяких колебаний: “Наверняка. Но вы приехали издалека, и так уж случилось, что без сопровождения слуг. Разрешите мне вас проводить.”

Он не ответил. Тогда я протянул ему локоть, чтобы он на него опёрся.